

© 2017 г. О. Г. Твердохлеб
г. Оренбург, Россия

«ПРЕКРАСНАЯ ЯСНОСТЬ» ПОЭЗИИ М. А. КУЗМИНА И ОБЪЕКТЫ СРАВНЕНИЯ, НАЗВАННЫЕ ФОРМОЙ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ИМЕНИ

Аннотация: В статье показана связь языковых особенностей поэтических текстов М. А. Кузмина с основными эстетическими установками — требованием прекрасной ясности, логичности и внимания к вещным деталям. Приведены статистические данные использования компаративов с целью создания четкой логической синтаксической структуры в поэтическом произведении. Выявлено, что в компаративных конструкциях, употребляемых поэтом, объект сравнения представлен формой родительного падежа имени разных лексико-тематических групп. Показано, что при конвергенции сравнений с другими стилистическими приёмами (повтор, нагнетание компаративов) создаются более выразительные образы, утрачивается статичность объектов, появляется движение объектов и усиливается выражение чувств поэта. Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество М. А. Кузмина и других поэтов Серебряного века. Полученные результаты могут найти применение и в практике составления словаря поэта.

Ключевые слова: акмеизм, М. А. Кузмин, компаратив, имя прилагательное, вещьность, объекты сравнения.

Информация об авторе: Ольга Геннадьевна Твердохлеб — кандидат филологических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, д. 19, 460844 г. Оренбург, Россия. E-mail: ogtwrtd@gmail.com

Дата поступления статьи: 15.06.2016

Дата публикации: 15.06.2017

Поэтическое творчество Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) занимает одно из ключевых мест в литературе начала XX в. Однако работ о поэте сравнительно немного. Его творчество исследователи относят и к акмеизму, и к символизму (подробнее о точках зрения В. М. Жирмунского и Б. М. Эйхенбаума на этот вопрос см.: [6, с. 4–6]). Информацию по самым значимым работам последнего времени, связанным с воссозданием творческой биографии поэта и с литературоведческим анализом {В. Ф. Марков (1994), Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян (1990), А. В. Лавров, Р. Д. Тименчик (1990), Ю. Л. Фрейдин (1990), Н. А. Богомолов, Дж. Малмстад (1996)}, перечислены в: [9].

Лингвистических работ, посвященных творчеству М. А. Кузмина, крайне мало, среди них отметим [4], где приводятся количественные данные о словоупотреблениях поэта, и диссертацию [11], посвященную описанию колоративов в лирике И. А. Бунина и М. А. Кузмина. Поэтому актуальность нашего исследования несомненна.

Объектом нашего исследования является поэтический язык М. А. Кузмина, в частности, грамматические средства выражения, способствующие выполнению задач, заявленных им в его программном манифесте «О прекрасной ясности. Заметки о прозе» (впервые опубликован в журнале «Аполлон» за 1910, № 4).

Ключевые идеи этой статьи, отчасти подсказанной Вяч. Ивановым [2; 7, с. 207], представляют собой целый ряд положений, среди которых — требования логичности и внимания к вещным деталям. Михаил Алексеевич Кузмин призывал: «Пусть ваша душа будет цельна или расколота <...> умоляю, будьте логичны — да простится мне этот крик сердца! — логичны в замысле, в построении произведения, в синтаксисе <...>. Пишите логично, соблюдая чистоту народной речи, имея свой слог, ясно чувствуйте соответствие данной формы с известным содержанием и приличествующим ей языком, будьте искусным зодчим как в мелочах, так и в целом, будьте понятны в ваших выражениях. <...> Молитесь, чтобы ваш хаос (если вы хаотичны) просветился и устроился, или покуда сдерживайте его ясной формой <...> будьте экономны в средствах и скупы в словах, точны и подлинны, — и вы найдете секрет дивной вещи — прекрасной ясности» [5].

Хотя в вышеприведенной цитате звучит призыв к логической ясности прозаического текста, на наш взгляд, интересно проследить, как это требование отражается на грамматических построениях его поэтических текстов. В языке поэзии М. А. Кузмина таким логико-лингвистическим построением, свойственным русскому синтаксису, становятся разные сравнительные конструкции, особенно включающие грамматическую форму, способную самостоятельно выражать компаративную семантику — степень сравнения имен прилагательных, наречий, слов категории состояния.

Запрос в поэтическом подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) по запросу «М. А. Кузмин (comp|comp2)» показал 338 документов. Из найденных 837 общим объемом 9765 предложений, а из них для компаративов — 696 вхождений, что составляет 0,76% от 91851 слов. Для сравнения приведем данные НКРЯ по запросу: «А. С. Пушкин (comp|comp2)»: на 195943 слова для компаративов 705 вхождений, т. е. 0,4%; или по запросу: «В. И. Иванов (comp|comp2)»: на 124346 слов для компаративов 585 вхождений, т. е. 0,47% [10].

Логичность и внимание к «мелочам сложного и прекрасного мира» [5] обусловили не только активное употребление компаративов, но и некоторые особенности употребления конструкций, включающих в свой состав компаративы. Для описания статических отношений «я — и стул», «я — и кошка», «я — и мяч», «я — и мир» [5] компаративные конструкции оказываются весьма кстати, так как сравнение, обычно включающее в себя три элемента: субъект сравнения (то, что сравнивается), объект сравнения (то, с чем сравнивается) и основание (признак) сравнения (общее у сравниваемых предметов), отражает реальность вне действия, а следовательно, статически.

Изображение «сложного и прекрасного мира», «разграниченного ясными бороздами» [5], потребовали названия его элементов, а это в свою очередь определило преобладание в стихах М. А. Кузмина имен существительных и незначительную роль глагола (по данным НКРЯ из на 91851 слов для имен существительных 28 354 вхождения, т. е. 30%; для глагола 15 400 вхождений, т. е. 16%). Потому среди обнаруженных нами сравнительных конструкций, выявленных в поэтическом языке, оказалось достаточно много случаев, где с компаративом сочетаются имена в родительном падеже (более 80 единиц). Далее мы подробнее опишем именно эту группу сравнительных конструкций.

1. По данным нашей картотеки, объект сравнения, представленный формой родительного падежа имени в обнаруженных нами конструкциях, распределяется по трем блокам:

1. Природа;
2. Человек (и его части);
3. Отвлеченные понятия (действия, состояния).

1. Имена, связанные с блоком **Природа**, распределяются по самым разным лексико-тематическим группам, среди которых отметим:

1) названия **природных стихий** и атмосферных явлений, например: «Даствина, что жгучей огня, красный в красном!» («Он пришёл, угрозы тая, красный в красном...»); «Легче пламени<...>/ отрок ринется с золотых сеней...» («Легче пламени, молока нежней...»); «Кто свободней волны...» («Что Самосский тиран? что Александр герой...»); Больше солнца и месяца,<...>/ Полюбил я друга милого...» («Пуще жены, пуще любовницы...»); «Пышней авроры / Твои уборы./ О солнце знойное зимы!» («Кого прославлю в тихом гимне я?...»); «Что, скажи мне, краше радуг? Твое лицо...» («Что, скажи мне, краше радуг? Твое лицо...»); «Оттуда несется глухо, / ветра глуше...» («Враждебное море»); «Вдруг быстрее и ярче молний / Заблестел Николин взор...» («Николино житие»); «Та ли родинка восьмая / <...> / Слаще тени в тёплом лете...» («Девять родинок прелестных...»);

2) названия **времен года**, частей суток, например: «Каждый день — лучше утра, а вечер — дня...» («Не вернулись ли снова златые дни...»); «Уж в августе темнее ночи, / А под деревьями еще темнее...» («А Я...»); «Свисток теперь, конечно, мы услышим, / А там посмотрим. «Утро вечера мудреней» («Ты»);

3) названия **географических объектов, земель, государств**, например: «Счастливей всех счастливых станций, / Поверьте мне, — счастливый брак! («Ведут весёлые дороги...»); «Прозрачней фьорда в тихий час, / Они всегда вселяют в нас / Благоговенье и влюблённость...» («В обманчивом, тревожном сне...»); «И всё ж нельзя России быть родней...» («Чужая поэма»);

4) названия **архитектурных сооружений**: «...построил бы себе пирамиду / выше Хеопса...» («Если б я был древним полководцем...»), где имя собственное употреблено с метонимическим значением (= «пирамида Хеопса»);

5) названия **животных, птиц, рыб, насекомых**, например: «Больше коня легконогого / Полюбил я друга милого...» («Пуще жены, пуще любовницы...»); «Пустее нету пустолайки, / Что лает, только подойдём, / Но не отходит от хозяйки, / Она ни вечером, ни днём...» («Мими-собачка»); «Легче птицы, легче стрел / Горный танец, быстр и смел...» («Легче птицы, легче стрел...»); «Клейтесь, почки! / Синева, синей, синей! / Розовые ангелочки, / Будьте проще голубей!» («Купанье»); «Та, что исчезла белей голубицы, / Снова придёт к вам в одежде Царицы...» («Введение. Праздники пресвятой Богородицы»); «Пугливей кенарейки, / О, сердце, нетоскуй! («Ноктюрн. Кукольная эстрада»); «Мерзкий / выползок бездны на плоской мели, / мирней / свернувшейся рыбы / блещит в полумраке чешуйчатой глыбой / змей...» («Святой Георгий»); «Припечной ящерицы ленивей / полураскрытый рот...» («Девочке-душеньке»); «Солнце — лицо твоё, руки белы, / Жалят уста твои жарче пчелы...» («Солнце — лицо твоё, руки белы...»);

5) названия **растений**, например: «Ложится снег белей лилеи...» («При посылке цветов в мартовский вторник»); «И Божий цвет — душистее роз...» («Святой Георгий»); «Роз алее алый рот — все светила...» («Вверх взгляни на неба свод: все светила!...»); «Земля, ты мне дала цветок / Чудеснее цветов чудесных...» («Земля, ты мне дала цветок...»);

б) названия **неодушевленных** реалий, предметов быта, материалов и изделий из них, пищи, например: «Пение птиц мне бичей жестче, / Как беспощаден дневной луч!» («Сёстры, о сёстры! судьба злая...»); «Как пронзенная мечом острым, / Яда люте моя кровь!» («Сёстры, о сёстры! судьба злая...»); «Туземец медленным багром / На мели правит свой паром, / Тупее огородных пугал...» («Разливы. Плен»); «...молока нежней / <...> / Отрок ринется с золотых сеней...» («Легче пламени, молока нежней...»); «Целую слаще плащаниц / Твой рот, глаза, и грудь, и руки...» («Земля, ты мне дала цветок...»); «Твой последний взгляд, он сильней ограды, / Твой последний взгляд, он прочней кольчуги...» («В ранний утра час покидал я землю...»); «Желанен мне не прихотью капризов, / Но силой той, что крепче всех цепей...» («Всадник»); «...легче стрел / Горный танец, быстр и смел...» («Легче птицы, легче стрел...»); «Нежнее жемчугов ланиты...» («В альбом М. А. Бородаевской»); «И станет полотно белее снега...» («Не губернаторша сидела с офицером...»).

В описываемой группе примеров у М. Кузьмина есть особо любимая сравнительная конструкция: «острей стрел»: «Во мгле ли дремлем мы, в зенитном свете ль / Крылим, острее стрел, свои лучи...» («Несовершенство мира — милость Божья!...». «Предчувствия»); «Кудри шафрановы, очи — смелы, / Взгляд их быстрее и острее стрелы...» («Солнце — лицо твое, руки белы...»); «Насмерть я сражен разлукой стрелострей!» («Насмерть я сражен разлукой стрел острей!...». «Венок весен. Газэлы»). Также часто в качестве объекта сравнения выступают краски и материалы, камни с характерным цветом: «...и вот синей индиго / Сияет небо, тучи разделив...» («Одно и то же небо над тобою...». «Осенний май»); «Зрите, пророки: / Оки / Девы без бури— / Синее кобольта и берлинской лазури!» («Страстной пяток». «Лики»); «И (радость глаза) / Желтей топаза / Разлей обманчивый янтарь!» («Кого прославлю в тихом гимне я?...». «Зимнее солнце»); «Зарю туманнее опалов / И строгих губ извив?» («Ты помнишь комнату и свечи...»).

В компаративных конструкциях с названиями явлений Природы в позиции объекта сравнения запечатленное, фиксируемое в деталях зримого мира выражается особенно точно, реалистично, обыденно. Зримость достигается в том числе и за счет основания сравнения, в роли которого представлены компаративы от имен прилагательных со значением свойств и качеств, которые непосредственно воспринимаются органами чувств и (или) выражают оценку. Именно такие признаки, проявляясь в разной степени в разных предметах, могут изменяться. Что и фиксируют выше приведенные отрывки из поэтических текстов М. А. Кузьмина, в которых везде чувствуется вещная, конкретная плоть мира: его четкие пространственные формы и контуры (стройнее лоз, выше Херопса, острей иглы, острее стрелы, острее стрел, стрел острей); вкус (слаще тени, слаще плащаниц, вино жгучей огня), вес (легче пламени, легче птицы, легче стрел), твердость (бичей жестче, прочней кольчуги, крепче цепей), звук (ветра глуше), аромат (душистее роз) и др. Радостная «вещность» многокрасочной объективной реальности передается введением разнообразных компаративов со значением цвета (туманнее опалов, белей голубицы, белей лилеи, белее снега, синее кобольта и лазури, синей индиго, желтей топаза, краше радуг, темнее ночи, роз алее, ярче молний).

«Прекрасная ясность» достигается и за счет большой структурной спаянности, ассоциативной связи компаратива и объекта сравнения, и вытекающей отсюда большей степенью предсказуемости последнего (крепче цепей, быстрее и ярче молний, ребенка глупей, белее снега, острей иглы, быстрее и острее стрелы).

При сочетании компаративов и «вещных» имен перечисленных тематических групп в роли объекта сравнения создается внутренняя связь между внешней средой и лирическим героем. Особое изящество стиха, с оттенком легкой иронии создается в случае, если субъектом сравнения становятся части (органы) человек, ср.: «Припечной ящерицы ленивей / полуоткрытый рот...» («Девочке-душеньке»); «Пугливей кенарейки, / О, сердце, не тоскуй!» («Ноктюрн. Кукольная эстрада»); «Та ли родинка восьмая / <...> / Слаще тени в теплом лете...» («Девять родинок прелестных...»).

2. Лексика тематической группы **Человек** в позиции объекта сравнения представлена подгруппами: 1) собственно человек и 2) части человека.

1) Наименования людей в роли объекта сравнения гораздо реже в поэтическом языке М. А. Кузмина, нежели названия природных явлений, например: «Фантазия рисует / Проворней маляра...» («Базарный фокус-покус...»); «Если б я был древним полководцем, / покорил бы я Ефиопию и персов / <...> / и стал бы славнее всех живущих в Египте! / <...> богаче всех живущих в Египте. / <...> сильнее всех живущих в Египте. / <...> свободней всех живущих в Египте. / <...> счастливей всех живущих в Египте...» («Если б я был древним полководцем...»).

Среди имен этой тематической группы особенно часто М. Кузмин употребляет в своих текстах в позиции объекта сравнения имена наиболее близких каждому лицу родства, так как эти слова с коннотацией домашнего уюта, душевной теплоты оказываются созвучны радостной, мажорной тональности его поэзии, ср.: «Дороже сына, роднее брата / Ты стал навеки душе моей...» («Дороже сына, роднее брата...». «Холм вдали»); «...кто своенравней жён?» («Что Самосский тиран? что Александр герой...»); «Пуще жены, пуще любовницы, / Пуще брата родимого / <...> / Полюбил я друга милого...» («Пуще жены, пуще любовницы...»); «—Марта, разумная Марта, все для других ты рассудишь, / А доведись до себя — выйдешь ребёнка глупей...» («Мицци и Марта». «Лазарь»).

Употребление наименований божественных существ единично: «И каждый тленный лепесток / Дороже ангелов небесных...» («Земля, ты мне дала цветок...»).

Поэзии Михаила Кузмина свойственно отображение «вещной» окружающей действительности, а не замкнутого, узкого интимного мира, поэтому употребления в позиции объекта сравнения личных местоимений, указывающих на лицо (лиц), крайне редки. Напомним характеристику А. Блока, называвшего Кузмина «одевшим маску» [1, с. 289]. И критикам литературная позиция Кузмина представляется «по-своему загадочной» [8, с. 80]. Прочитаем также слова самого поэта из письма Вячеславу Иванову: «Блок пишет, что я сам виноват, что “большая публика” не видит моего настоящего лица. Но кто хочет, кто может, — видит, и не довольно ли этого?» [3, с. 215].

2) **части тела**: «Морское имя Маргарита / Тебе недаром суждено, / Нежней лани звучит оно...» («В альбом М. А. Бородаевской»). Сюда же отнесем и пример с лексемой труп (= «тело»), ср.: «Отнимаются четыре чувства: / Осязанье, зренье, слух — возьмутся, / Обонянье испарится в воздух, / Распадутся связки и суставы, / Станет человек плачевней трупа...» («Суд». «Лазарь»).

3. Лексика тематической группы **Отвлеченные понятия** (действия, чувства, физические ощущения, состояния) в позиции объекта сравнения в нашем материале не частотна и также приводится при компаративах, называющих свойства и качества, непосредственно воспринимаемые органами чувств, и (либо) выражающих оценку, что в определенной степени конкретизирует описываемое событие. Ср. следующие примеры, в которых поэт делится простыми, обычными, ежеминутными печалью и радостью

ми при помощи наименований конкретных повседневных понятий: «Бесчестия славнее гроб, / И предо мной вертит упорно / Дней прожитых калейдоскоп...» («Письмо перед дуэлью»). Особенно это касается его стихов о вечной теме мировой поэзии — любви. Любовь изображается в самом чистом и глубоком значении, без большой чувственности или гипертрофированного выражения страстей: «Что может быть нежней, блаженней / Прикосновенья нежных губ?» («Ползут часы, мелькают стрелки...»); «Легче весеннего дуновения / Прикосновение / Пальцевтонких...» («Легче весеннего дуновения Прикосновение...»); «Утешней всех / Дневных утех / Ночные озаренья...» («Интермеццо»); «Что желанней моей цели не зрели вы, / Что сильнее моей не было ввек любви...» («Что Самосский тиран? что Александр герой...»); «Что мудрёней всех загадок? Твоё лицо...» («Что, скажи мне, краше радуг? Твое лицо...»); «И знание выше знаний, / Чище любви любовь...» («Базилид»); «И, считая, я читаю / Тайну, слаще тайн небесных...» («Девять родинок прелестных...»).

II. Наш материал свидетельствует, что сравнения описываемого типа часто сочетаются с другими стилистическими приёмами, что создает еще более яркие и выразительные образы.

Опишем конвергенцию стилистических приемов.

1. Используются традиционные для художественных построений лексические связи между компаративами в роли основания сравнения, а именно:

а) **синонимические**: «Дороже сына, роднее брата...» («Дороже сына, роднее брата...»), в том числе повторенные несколько раз: «Пуще жены, пуще любовницы, / Пуще брата родимого, / Больше солнца и месяца, / Больше коня легконогого / Полюбил я друга милого...» («Пуще жены, пуще любовницы...»);

б) **антонимические**: «В моем краю вы все-таки чужая, / И всё ж нельзя России быть родней...» («Чужая поэма»), ср. также оксюморон: «Лёгкая поступь тяжелей всех...» («Третий свидетель». «Лазарь»).

2. Конкретные, и вместе с тем яркие, выразительные, образы, создает М. А. Кузмин при помощи сочетания сравнения с разными типами **повторов**.

В частности, нами обнаружены:

а) повтор основания сравнения: «Легче птицы, легче стрел / Горный танец...» («Легче птицы, легче стрел...»); «Та ли родинка восьмая / Мне милей всего на свете, / Слаще тени в тёплом лете / И милей, чем ветер мая...» («Девять родинок прелестных...»); «Уж в августе темнее ночи, / А под деревьями еще темнее...» («А Я...»);

б) повтор объекта сравнения, в частности, в конструкциях:

- с нагнетанием (о нагнетании см. далее) одного и того компаратива: «На-смерть я сражен разлукой стрелострей! / Море режется фелукой стрелострей! / Память сердца беспощадная, уйди, / В грудь пронзённую не стучай стрелострей! / Карий блеск очей топазовых твоих / Мне сиял любви порукой, стрелострей. / Поцелуй, что как розы зацвели, / Жгли божественной наукой, стрелострей. / Днем томлюсь я, ночью жаркою не сплю: / Мучит месяц сребролукий, стрелострей. / У прохожих я не вижу красоты, / И пиры мне веют скукой, стрелострей. / Что калека, я на солнце правлю глаз, / И безногий, и безрукий — стрелострей. / О, печаль, зачем жестоко так казнить / Уж израненного мукой, стрелострей? («На-смерть я сражен разлукой стрел острей!...». «Венок весен. Газэлы»);

- либо с нагнетанием разных компаративов: «Если б я был древним полководцем, / покорил бы я Ефиопию и персов, / <...> / и стал бы славнее всех живущих в Египте! / <...> богаче всех живущих в Египте. / <...> сильнее всех живущих в Египте. /

<...> свободней всех живущих в Египте. / <...> счастливей всех живущих в Египте...» («Если б я был древним полководцем...»). В приведенных примерах особенно сильно чувствуется характерная для Кузмина изящная игра «вещными» подробностями;

в) повтор субъекта сравнения: «Что, скажи мне, краше радуг? Твоё лицо. / Твоё лицо. / Что мудрёней всех загадок? Твоё лицо («Что, скажи мне, краше радуг? Твое лицо...»); «—Марта, разумная Марта, всё для других ты рассудишь, / А доведись до себя — выйдешь ребёнка глупей» («Мицци и Марта». «Лазарь»);

г) повтор субъекта и объекта сравнения: «И знание выше знаний, / Чище любви любовь...» («Базилид»); «И, считая, я читаю / Тайну, слаще тайн небесных...» («Девять родинок прелестных...»);

д) повтор основания сравнения и повтор субъекта и объекта сравнения (со сменной их): «Морское имя Маргарита / Тебе недаром суждено, / Нежней ланит звучит оно — / Нежнее жемчугов ланиты...» («В альбом М. А. Бородаевской»);

е) повтор разных форм одного и того слова: «Чудеснее цветов чудесных...» («Земля, ты мне дала цветов...»); «Счастливей всех счастливых станций, / Поверьте мне, — счастливый брак!» («Ведут весёлые дороги...»); «Роз алее алый рот...» («Вверх взгляни на неба свод: все светила!...»); «Что может быть нежней, блаженней / Прикосновенья нежных губ?» («Ползут часы, мелькают стрелки...»);

ж) повтор родственных слов: «Пустее нету пустолайки, / Что лает, только подойдём, / Но не отходит от хозяйки, / Она ни вечером, ни днём...» («Мими-собачка»); «Оттуда несется глухо, / ветра глуше...» («Враждебное море»); «Утешней всех / Дневных утех / Ночные озаренья...» («Интермеццо»).

Разнообразные повторы, являясь средством выделения, создают особую функциональную значимость, как бы уравнивают разные части сравнения (субъект и объект сравнения, основание сравнения и субъект, основание сравнения и объект), либо подчеркивают их равнозначность друг другу. Стих и эмоции становятся лаконичными. «Лаконизм стал принципом построения. Лирика утратила как будто свойственную ее природе многословность. Все сжалось — размер стихотворений, размер фраз. Сократился даже самый объем эмоций или поводов для лирического повествования» [12, с. 89].

3. М. Кузмин активно использует в своих стихотворениях разные приемы **нагнетания** компаративов.

1) В пределах стихотворения активно используются несколько компаративов, и при одном из них объектом сравнения является имя в родительном падеже, ср.: «И пусть мороз острее колется, / И сердце пусть тревожней молится, / И пусть всё пуще зябнем мы, — / Пышней авроры / Твои уборы, / О солнце знойное зимы!» («Кого прослаблю в тихом гимне я?...». «Зимнее солнце»); «Ах, злой нежданности плоды: / Ложится снег «белей лилеи», / Но тем надежней, тем милее / Весны непышные сады...» («При посылке цветов в мартовский вторник»); «В моём краю вы все-таки чужая, / И всё ж нельзя России быть родней, / <...> / <...> и слаще, и вольней / Я вижу будущего человека...» («Чужая поэма»); «Легче весеннего дуновения / Прикосновение / Пальцев тонких./ Громче и слаще мне уст молчание, / Чем величание / Хоров звонких...» («Легче весеннего дуновения Прикосновение...»).

2) В пределах стихотворения активно используются сразу несколько компаративов, и при каждом компаративе приведен объект сравнения, названный именем в родительном падеже, в частности, используются:

а) два случая типа: «Дороже сына, роднее брата / Ты стал навек и душе моей...» («Дороже сына, роднее брата...». «Холм вдали»); «Легче пламени, молока нежней, / Румянцем зари рдяно играя, / Отрок ринется с золотых сеней...» («Легче пламени, молока нежней...»); «Твой последний взгляд, он сильней ограда, / Твой последний взгляд, он прочней кольчуги...» («В ранний утра час покидал я землю...»); «Что, скажи мне, краше радуг? Твоё лицо. / Твоё лицо. / Что мудрёней всех загадок? Твоё лицо...» («Что, скажи мне, краше радуг? Твое лицо...»);

б) три случая типа: «Земля, ты мне дала цветов / Чудеснее цветов чудесных. / И каждый тленный лепесток / Дороже ангелов небесных. / Целую слаще плащаниц / Твой рот, глаза, и грудь, и руки...» («Земля, ты мне дала цветов...»); «Каждый день — лучше утра, а вечер — дня, / Ночи — счастья залого — того милей, / Как две арфы, согласной струной звеня, / Наше сердце трепещет, и звук полней...» («Не вернулись ли снова золотые дни...»);

в) четыре случая типа: «Кто смиряет царей, кто побеждает всех? / Кто свободней волны, кто своенравней жён? / <...> / Что желанней моей цели не зрели вы, / Что сильнее моей не было ввек любви...» («Что Самосский тиран? что Александр герой...»).

г) шесть случаев типа: «Пуще жены, пуще любовницы, / Пуще брата родимого, / Больше солнца и месяца, / Больше коня легконогого / Полюбил я друга милого...» («Пуще жены, пуще любовницы...»).

Нагнетание компаративов может быть использовано для построения даже целого стихотворения, ср.: «Если б я был древним полководцем, / покорил бы я Ефиопию и персов, / свергнул бы я фараона, / построил бы себе пирамиду / выше Хеопса, / и стал бы славнее всех живущих в Египте! / <...> богаче всех живущих в Египте. / <...> сильнее всех живущих в Египте. / <...> свободней всех живущих в Египте. / <...> счастливей всех живущих в Египте...» («Если б я был древним полководцем...»).

Безусловно, описанные многочисленные случаи нагнетания компаративов вносят в описание высокую степень экспрессии, повышают силу воздействия на читателя. Однако, на наш взгляд, это явление в поэтических текстах М. Кузмина в большей степени связано с главным его эстетическим требованием при описании «я — и мира» — «прекрасной ясностью» [5], обуславливающей статическое изображение деталей (обычно в языке называемых именами существительными) и логичность синтаксиса (с активным использованием компаративов). «Вещная» насыщенность, предполагающая пластическую конкретность, статичность объектов устраняется за счет нагнетания самих же компаративов. В результате чего создается некое движение и описываемых объектов, и чувств поэта.

4. Характерной особенностью большинства примеров является предельная **контактность** объекта и основания сравнения, придающая сравнению психологическую глубину, ср. конструкции:

- с **постпозицией** объекта (чаще): «<...> и вот синей индиго (постпозиция) / Сияет небо, тучи разделив...» («Одно и то же небо над тобою...». «Осенний май»);

- с **препозицией** объекта (реже): «Бесчестия (препозиция) славнее гроб...» («Письмо перед дуэлью»);

- а также с **пост-** и **препозицией** при нагнетании: «Легче пламени (постпозиция), молока (препозиция) нежней, / Румянцем зари рдяно играя, / Отрок ринется с золотых сеней...» («Легче пламени, молока нежней...»).

Таким образом, проведенное нами исследование выявило связь языковых особенностей поэтических текстов М. А. Кузмина с его основными идейными установками

ми — требованием логичности и внимания к мелочам прекрасного мира, обуславливающих использование компаративов с объектом сравнения, представленным формой родительного падежа имени разных лексико-тематических групп. При конвергенции сравнений с другими стилистическими приемами создаются более яркие и выразительные образы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 5. 800 с.
- 2 Богомолов И. А. М. Кузмин: Статьи и материалы // CoolLib.net (КулЛиб). URL: http://coollib.com/b/250984/read#n_285 (дата обращения: 24.03.2017).
- 3 Богомолов И. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: Новое научное обозрение, 1999. 560 с.
- 4 Гик А. В. Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина: в 4 т. М.: Языки славянской культуры, 2005–2015.
- 5 Кузмин М. А. О прекрасной ясности. Заметки о прозе // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0410oldorfo.shtml (дата обращения: 15.06.2016).
- 6 Корниенко С. Ю. Поэтика книги стихов М. Кузмина «Сети»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2000. 176 с.
- 7 Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» // Русская литература. 1990. № 1. С. 200–207.
- 8 Леденев А. В. Творчество М. Кузмина и русские модернистские течения начала XX века // Время и творческая индивидуальность писателя: сб. науч. трудов. Ярославль: Ярославский пед. ин-т им. К. Д. Ушинского, 1990. С. 80–92.
- 9 Лекманов О. А. Еще раз о Кузмине и акмеистах (суммируя общеизвестное) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 2. С. 61–64.
- 10 Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.03.2017).
- 11 Шкиль Т. В. Колоратив как стилистическая категория в лирических идиостилиях И. А. Бунина и М. А. Кузмина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск: Карельский гос. пед. ун-т, 2005. 291 с.
- 12 Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа // Эйхенбаум Б. О поэзии. Л.: Сов. писатель, 1969. С. 75–147.

***

© 2017 г. Olga G. Tverdokhlebo
Orenburg, Russia

“BEAUTIFUL CLARITY” OF THE POETRY OF M. A. KUZMIN AND THE COMPARISON OBJECTS CALLED BY THE FORM OF GENITIVE NAME

Abstract: The article shows the relationship of the language features of poetic texts by M. A. Kuzmin's with basic aesthetic attitudes — requirement for great clarity, consistency and attention to corporeal detail. The study involves statistical data on the use of comparatives with the purpose of creating a clear and logical syntactical structure of a poetic work. The study reveals that in comparative constructions, used by the poet, the object of comparison is represented by the genitive form of the name

of various lexical and thematic groups. It shows that at convergence of comparisons with other stylistic techniques (repetition, forcing comparatives) more expressive images emerge, staticity of objects decreases, while their mobility develops and artistic expression of the poet becomes richer. The results obtained may be valuable for literary scholars, exploring the works of M. A. Kuzmin and other poets of the Silver age as well as useful in the practice of compiling a dictionary of the poet.

Keywords: Acmeism, M. A. Kuzmin, comparative, adjective, materiality, consistency.

Information about the author: Olga G. Tverdokhlebova — PhD in Philology, Assistant Professor, Orenburg State Teacher Training University, Sovetskaya St., 19, 460844 Orenburg, Russia. E-mail: ogtwr@gmail.com

Received: June 16, 2016

Date of publication: June 15, 2017

REFERENCES

- 1 Blok A. A. *Sobranie sochinenii: in 8 t.* [Collected works: in 8 vols.] Moscow; Leningrad, GIKhL Publ., 1962. Vol. 5. 800 p. (In Russian)
- 2 Bogomolov I. A. M. Kuzmin: Stat'i i materialy [M. Kuzmin: Articles and materials]. *CoolLib.net*. Available at: http://coolib.com/b/250984/read#n_285 (Accessed 24 March 17). (In Russian)
- 3 Bogomolov I. A. *Russkaia literatura nachala XX veka i okkul'tizm* [Russian literature of the early XX century and occultism]. Moscow, Novoe nauchnoe obozrenie Publ., 1999. 560 p. (In Russian)
- 4 Gik A. V. *Konkordans k stikhotvoreniiam M. Kuzmina: in 4 t.* [A concordance to the poems by M. Kuzmin: in 4 vols.] Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005–2015. (In Russian)
- 5 Kuzmin M. A. O prekrasnoi iasnosti. Zametki o proze [On beautiful clarity. Notes on prose]. *Lib.ru*. Available at: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0410oldorfo.shtml (Accessed 15 June 16). (In Russian)
- 6 Kornienko S. Iu. *Poetika knigi stikhov M. Kuzmina "Seti"* [The poetics of the book of poems by Mikhail Kuzmin "Nets"]. Abstract of dissertation of PhD in Philology. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2000. 176 p. (In Russian)
- 7 Kuznetsova O. A. Diskussiiia o sostoianii russkogo simvolizma v "Obshchestve revnitelei khudozhestvennogo slova" [Discussion about the state of Russian symbolism in the "Society of devotees of the artistic word"]. *Russkaia literatura*, 1990, no 1, pp. 200–207. (In Russian)
- 8 Ledenev A. V. Tvorchestvo M. Kuzmina i russkie modernistskie techeniia nachala XX veka [The works of M. Kuzmin and Russian modernist movements of the early XX century]. *Vremia i tvorcheskaia individual'nost' pisatel'ia* [Time and creative personality of the writer]. Collection of scientific works. Iaroslavl': Iaroslavskii ped. institut im. K. D. Ushinskogo Publ., 1990, pp. 80–92. (In Russian)
- 9 Lekmanov O. A. Eshche raz o Kuzmine i akmeistakh (summiruia obshcheizvestnoe) [Time and creative personality of the writer]. *Izvestiia AN. Seriiia literatury i iazyka*, 1998, vol. 57, no 2, pp. 61–64. (In Russian)
- 10 *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National corpus]. Available at: <http://search.ruscorpora.ru/> (Accessed: 24 March 17). (In Russian)

- 11 Shkil' T. V. *Kolorativ kak stilisticheskaia kategoriia v liricheskikh idiosiliakh I. A. Bunina i M. A. Kuzmina* [Colorative as a stylistic category in the lyrical idiostyles of I. A. Bunin and M. A. Kuzmin]. Abstract of dissertation of candidate of philological Sciences. Petrozavodsk, Karel'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., 2005. 291 p. (In Russian)
- 12 Eikhenbaum B. M. Anna Akhmatova. Opyt analiza [Anna Akhmatova. Experience of the analysis]. *Eikhenbaum B. O poezii* [Eykhenbaum B. On poetry]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1969, pp. 75–147. (In Russian)